

К Р О К О Д И Л

Вабанк!

Рис. Кукрыниксы

Рис. Н. Радлова

Гитлеровцы требуют, чтобы дети пересмотрели содержимое своих копилочек и сдали медные монеты государству.

Медедобывающая промышленность в фашистской Германии.

✓ На невольничьем корабле

ОБЕР-ПАЛАЧ Гиммлер, «учитывая тяжелые оборонительные бои на советско-германском фронте», особым приказом запретил в Германии всякие танцы и танцевальные кружки.

Немцам и без того не до танцев. Тоска и тревога уснули. Фашистская печать заговорила о расстроенных нервах немецкого народа. Немцам чего-то скучно...

Сейчас, учитывая тяжелое положение на советско-германском фронте, Геббельс приказывает немцам веселиться. Фашистская печать заговорила по команде о том, что кино и радио «должны успокаивать, развлекать и утешать немцев». По радио должна передаваться только веселая, танцевальная музыка. Танцуйте, немцы! Танцы излечивают от расстройства нервов.

Идея доктора Геббельса не оригинальна. Он заимствовал ее у доктора ван Смиссена — старого хирурга на невольничьем корабле. Немецкий поэт Генрих Гейне в чудесных стихах описал, как на этом корабле лечили танцами больных невольников-негров. Картина вышла пророческой. Фашистская Германия — тот же большой невольничий корабль; и всюду, где Гейне говорит о неграх-невольниках, мы вправе подставить: немцы-рабы.

На невольничьем корабле, как в фашистской Германии, угрожающе повысилась смертность. Потери были колоссальны и невозместимы.

Доктор ван Смиссен говорил владельцу ван Койку то же самое, что ныне доктор Геббельс говорит ван Гитлеру:

*Боюсь, что вас беспокою,
Но должны вы знать, что сегодня в ночь
Смертность (на фронте) выросла втрое...
Ван Гитлер спрашивает в тревоге:
Беда, какая досада!
Чтоб смертности этой замедлить рост,—
Скажите, что делать надо?*

Доктор Геббельс отвечает в точности по ван Смиссену:

*Многие в тылу мрут с тоски,
Их скука смертельная давит;
Музыка, танцы и воздух легко
Им здоровье исправит.*

Совет принят. По всей Германии отдается приказ:

*Музыки, музыки! Немцы должны
Идти плясать на шканцы,
А кто веселиться не станет, тот
Под плетью пустится в танцы.*

И вот немцы танцуют. Они вздыхают, плачут по убитым на советско-германском фронте мужьям, сыновьям, братьям — и танцуют!

*Шнед-дере-денг, ди-дель-дум-дей —
Плясовые делят звуки...*

— Вальс «Расстроенные нервы!» — командует Геббельс. — Кавалеры, обнимайте ваших дам! Которые без рук — просто прижимайтесь! Которые без ноги — прыгайте на одной ноге!

— Полька «Майн либер Адольфхен» — веселый танец отступления. Дамы бегут, кавалеры обгоняют! Марш, веселее!

*И палубу топчет их яростный пляс,
И страстно красотки иные
Обнимают фашистских своих друзей,
Испуская стоны глухие.
Тюремный надсмотрщик. — там дирижер,
И ударами плети
Побуждает усталых танцоров он
Веселиться, плясать, как дети.*

Фашистская Германия танцует под плетью Гитлера. А сам Гитлер обращает взоры к небу, сложив молитвенно руки. В своей последней речи он призывает о ниспослании немцам «душевного равновесия»:

*Улучши их жизнь, ради Христа,
Что принял за нас погубель!
Ведь если немцев выживет меньше трехсот,
Ухнула моя прибыль.*

Нет, не помогут танцы тоскующим немцам. «Прибыль» Гитлера ухнула. Русский поэт Державин помогает немецкому поэту Гейне дорисовать картину фашистской Германии:

*Где стол был яств, там гроб стоит.
Где пиршество раздавались клики,
Надгробные там воют лики
И бледна смерть на всех глядит.*

Последний танец Гитлера — старинный «танец смерти».

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

На чужой земле

ФАШИСТСКИЕ газеты сообщили, что на Украину едут несколько тысяч пожилых немецких крестьян-колонистов.

Они будут учить украинского мужика сельскохозяйственному уму-разуму и вообще «осваивать» захваченное «пространство».

В 1941 году шивший солдат Фриц «организовывал» на Украине поросенка, утку, женскую юбку, детские варежки.

В 1942 году старый хрен Карл — кулак из Восточной Пруссии — должен «организовать» не больше не меньше, как всю Украину!

Не надо обладать особенно богатой фантазией, чтобы представить себе картину приезда старого Карла на Волынь, в украинское село.

Допустим, что со станции дядю Карла и тетю Амалию и внуков их Макса и Морица доставили в село благополучно: под охраной двух танкеток и броневика.

Доставили, вселили в бывший дом наспех расстрелянного агронома, обеспечили всем необходимым.

— Битте, дядя Карл! Действуйте с богом!..

И дядя Карл начинает «действовать». Утром он идет осматривать окрестности. Его сопровождает сосед — дядько Панас, тот самый украинский мужик, которого дядя Карл должен научить пахать и сеять.

У дядько Панаса седые запорожские усы, хитрые глаза, и лет ему столько же, сколько и немцу Карлу.

А в огороде у дядько Панаса отнюдь не бузина, как гласит старая украинская поговорка, а пулемет и винтовка, закопанные до лучших времен.

Сопровождает их переводчик — потрепанная личность из украинских белоэмигрантов: не то бывший петлюровец, не то бывший гет-

мановец, а в настоящем вполне законченный прохвост.

Компания приходит на берег живописной речки. Дядя Карл восторгается красотами украинской природы.

— Глубокая ли речка? — спрашивает он через переводчика у дядько Панаса.

— Та ни, ни глыбо! — отвечает дядько Панас.

— Утонуть нельзя во время купанья?

— А отчего ж нельзя?! Можно и втонути. В 1918 роци в цей ричке немец один завсим втонул.

— Как же он утонул, если речка мелкая? — спрашивает несколько обеспокоенный дядя Карл.

— Та хлопци наши, озорники, пидмогнули тому немцу — он и втонул, — сообщает дядько Панас и прячет улыбку в усы, вспоминая, как он сам «пидмогнул тому немцу».

Дядя Карл крикает. Почему-то его больше не восхищает красивая речка. Правильно говорят философы: «Красота — понятие условное».

Они идут дальше. Приходят в рощу. Красавцы-тополя, могучие, гренадерского роста, высятся перед дядей Карлом.

Его внимательный взор привлекает тополь с обугленным, черным стволом. Дядя Карл возмущен:

— Нехорошо! Разве можно так портить ценные деревья?!

И опять дядько Панас деловито дает объяснения:

— Под оцим тополем в 1918 роци хлопци наши, озорники, немца одного забили до смерти. Гранатой покорябали оцей тополь.

— Вы же говорили, что он утонул — тот немец? — нервничает дядя Карл.

— То другой немец втонул, а оцего гранатой забили!..

Прогулка вконец испорчена. Дядя Карл по мрачнел и скис. Нет, нет, он не хочет идти к запруде. Он устал и вообще... А где она, кстати, эта запруда?

— Та недалечко, — сообщает дядько Панас. — Ось бачите, кресты стоят? То летом ваши солдаты своих ковали коло нашей запруды!..

Дядя Карл поворачивается налево кругом и идет к себе домой.

Весь день он ходит расстроенный. Кричит на свою Амалию и щедро снабжает подзатыльниками Макса и Морица.

Ночью дядя Карл не спит. Сидит — в ночном колпаке — с винтовкой в руках на кровати и при каждом шорохе нервно вздрагивает:

— Мейн гот! Кто там?!

Проходит одна украинская ночь, вторая, третья... И наконец настает четвертая, роковая для дяди Карла, тихая украинская ночь.

В эту ночь так же прозрачно небо, и так же блещут звезды, и так же сияет луна, озаряя пышные сады и всю несравненную красоту щедрой украинской земли.

Впрочем, дом, в котором поселился дядя Карл, этой ночью озаряет не только бледное сияние луны: его озаряют багровые вспышки партизанских гранат. Он пылает, как свечка, и в его пламени гибнет пожилой немецкий скорпион — непрощенный учитель украинских крестьян. Гибнет со всей своей почтенной семьей, с ночным колпаком и семейными перинами, прибывшими из Восточной Пруссии.

Так будет. Обязательно! Не может не быть!

Леонид ЛЕНЧ

ОЙ, НЕ ХОДИ, ФРИЦЮ...

Рис. А. Каневского

— Как ты думаешь, Карл: что самое главное для нас в освоении украинской земли?
— Выжить.

Рис. Г. Валька

— Спасибо, товарищи бойцы, за прекрасную музыку!
— А вам, товарищи рабочие,—за отличные инструменты!

Исправленному верить

Редакция. За столом редактор. Входит поэт.
Редактор: Что у вас?
Поэт: Я написал поэму о Герое Советского Союза — о летчике Сафонове.
Редактор: Это хорошо. Оставьте рукопись.
Поэт: Разрешите только начало (декламирует).
«Сафонову — песня почета,
Кто храбр с головы до пят,
Тому, кто для ровного счета
Сбил самолетов десяток!»
Редактор: Могу вас обрадовать.
Поэт: Моя поэма пойдет?
Редактор: Нет, вот именно не пойдет.
Поэт: Здорово обрадовали... Почему?
Редактор: Устарело: сегодня Сафонов сбил еще один самолет. За ним уже одиннадцать. Переделайте и принесите.
(Поэт уходит. Ночь приходит. Потом ночь уходит, поэт приходит.)
Поэт: Готово, приблизил к действительности. Разрешите прочесть.
Редактор: Только...
Поэт (перебивая): Да, да, только начало (декламирует).
«Сафонову — песня почета,
Готовому в битву кинуться,
Тому, кто для ровного счета
Сбил самолетов одиннадцать.»
Редактор: Я должен вас обрадовать.
Поэт: Пойдет?
Редактор: Нет. Устарело: он сегодня еще один сбил.
Поэт: Не может быть! Это что же получается?
Редактор: Переделайте и принесите.
Поэт: Двенадцать?
Редактор: Двенадцать.
(И снова исчезает поэт и появляется луна. Потом исчезает луна и появляется поэт.)
Поэт: Осовременил... Читаю (декламирует).
«Сафонову — песня почета,
Богатому силой недожинной,

Тому, кто для ровного счета
Сбил самолетов дюжину».
Редактор: Только...
Поэт: Обрадовать?
Редактор: Да.
Поэт: Не пойдет? Устарело?
Редактор: Да.
Поэт: Еще сбил?
Редактор: Да.
Поэт: И все-таки пойдет! Я перехитрил Сафонов! Слушайте запасной вариант на тринадцать штук (декламирует).
«Сафонову — песня почета,
Богатому силой недожинной,
Тому, кто для ровного счета
Сбил уже чортову дюжину!»
Редактор: Не пойдет.
Поэт: Почему?
Редактор: Вы не дали мне договорить: сегодня Сафонов сбил два самолета.
Поэт: Нет! Больше невозможно.
Редактор: Возможно и больше.
Поэт: Хорошо. Сейчас я напишу (пишет, продолжая говорить). Мы перехитрим Сафонов: заготовим впрок. А в нужную минуту выпустим. Только в ту же минуту печатайте обязательно, иначе опять... Вот (декламирует).
«Сафонову — песня почета,
Что немцев крушит без остатка,
Тому, кто для ровного счета
Сбил уже два десятка.»
Редактор: Хорошо. Могу вас обрадовать...
Поэт: Опять?
Редактор: Могу вас обрадовать, что этот материал долго не залежится.
От автора. Автор этой сценки просит извинения за то, что оперирует устаревшим материалом. Автор может вас обрадовать: Герой Советского Союза майор тов. Сафонов уже сбил двадцать самолетов.
Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ
Карельский фронт.

Ах, дербень-дербень, Калуга

Чтоб не рвали поле выюги,
Чтоб играли радуги,
Немцев к чорту от Калуги,
К сатане от Ладогой!

Ах, дербень-дербень, Калуга,
Дербень, Ладога моя!
Тула, Тула подвернула,
Тула козырем пошла!

Немцы двигались к Туле,
А пришлось околевать.
Гули-гули, чорта в стуле,
Немцам в Туле не бывать!

Ах, дербень-дербень, Калуга,
Дербень, Ладога моя!
Тула, Тула подвернула,
Тула козырем пошла!

Все леса от бури пнулись,
Мы все бури слышали,
Немцы к Ладогое тянулись —
Их оттуда вышибли!

Ах, дербень-дербень, Калуга,
Дербень, Ладога моя!
Тула, Тула подвернула,
Тула козырем пошла!

Им за Тулой дали в скулы,
Дали так, что охнули,
Их под Ладогой согнули,
Их в Калуге грохнули!

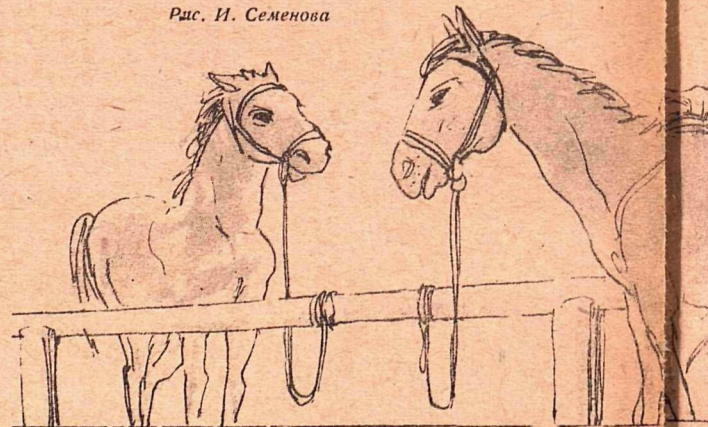
Ах, дербень-дербень, Калуга,
Дербень, Ладога моя!
Тула, Тула подвернула,
Тула козырем пошла!

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ
Ленинград.

НАОБОРОТ

— Что тебе пишут из дому. Отто?
— Пишут, что плохо и паскудно. А тебе, Карл?
— А мне, наоборот: пишут, что паскудно и плохо.

Рис. И. Семенова

— Слышала, Геббельс пишет, что наша кавалерийская дивизионена!
— Врет, как сивый мерин!

ДРУГОЙ ЦВЕТ

— Фрау Эльза, почему вы не носите платье, которое я прислал Макс из Смоленка?
— Так оно на мне, милая Берта.
— Что вы! Ведь то было голубое?
— Да, было (вздыхнув) но теперь я его выкрасила в другой цвет.

НЕРВНАЯ КОМПАНИЯ

— У фрау Штрюмпель нервы, как вага...
— Значит, ее возьмут ге-стапо за сокрытие теплых вещей.
— Герр Штрюмпель тоже перенесет это несчастье: у него железные нервы.
— Тем хуже: его схватят за утайку металлического ла...

Вороне где-то бог послал
(Возможно, птицу по-то у
Тут Фриц, которого пол
Ворону вместе с своим пр

Как немцы

Стояли в моей избе да немцы
Кие, а жрут, как бором. То
Поверите: когда на двор пали,
Вот вздумали они ра сами
положили в чугуны капуты,
не в печь, а на печь — да, п
«Ладно, — думаю, — не котите
по-немецки».
Только ничего у них не по
вают, перец, соль сыплют а ш
Полез один «повар» брду
улице стрелять начали (то на
все побросали — и немцы в хат
чили. Только их и видали.
Взяла я чугуны с печки мое
А та, поверите, морду ворит о
а понимает.

Со сл...

ПО ЧЕРЕДЬ

НЕВЫПОЛНЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

— Наш обер-лейтенант для поднятия наступательного духа сказал: «Солдаты! Рана в спину почетна, как орден! Рана в спину — позор! Я обещаю: каждый раненый в спину получит от меня пулю в лоб!»

— И чем все это кончилось?

— Первую рану в спину получил... он сам!

ТЯЖЕЛАЯ НАГРАДА

— Почему вы плачете, фрау Физель? Ведь вашего супруга произвели в генералы!

— Ах, не говорите! Все-таки лучше быть женой полковника, чем вдовой генерала.

КАСЯ И СЫР

— Сырок сыру (погостил)...
— Сыро и сыро,
— Сыроплотил.

ЩИ ВАРИЛИ

— Да. Сами с себя такие хлипко и знают что лопают. И то на ходу жевали. Себе щи сварить. Вижу, дыса и становятся чугун — да же мы валенки сушим.

— Варить, по-русски, варите

— Получается. Ложкой размешивать все неготовы.

— Свою размешивать. А тут на наши ложки были. Немцы ги. В одних портках высоко-

— Красавке в пошло выпила. немецкой бурды: животная,

— Колхозницы Е. П. Прониной записал ИВАН БОЙЦОВ.

— Дивизия полностью уни-

НА УЛИЦАХ БЕРЛИНА

Рис. Б. Фридкина

— Мама, почему нельзя говорить про Наполеона!

— Потому что его побили под Москвой.

— Почему же можно говорить про Гитлера!

Нашел выход

В немецкой армии участились случаи самоубийств: сумасшествия и сознательного членовредительства.

(Из газет).

— Как это вышло, что Карл покончил с собой?

— Да он сначала хотел прострелить себе руку, но я ему напомнил, что теперь в немецкую армию берут и безруких.

— Тогда он решил палнуть в ногу, но я сказал, что и безногих тоже берут.

— Тут бедняга задумался и спрашивает: «А безголовых берут?»

— Я думал, что он на нашего дурака-полковника намекает, и отвечаю: «Берут».

— Тогда он завыл, захохотал, отшвырнул пистолет и бросился под колеса поезда...

А. КОВАЛЕНКОВ

ПОПРАВКА К КЛАССИКУ

«...Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
Весною полчища врага,
Гонимы храбрыми бойцами,
Быстрей пускаются в бега».

В ГЕРМАНИИ

— Тебя призвали под ружье?
— Нет, под пули: на русский фронт еду.

— Ну, на этот раз моя дивизия, кажется, как следует окопалась...

Метким ударом

(По столбам красноармейской печати)

ХОРОШИЙ ПАРИКМАХЕР

— Наш новый ротный парикмахер хорошо работает.

— Бреез здорово?

— Еще как! Вчера только ганс из блиндажа высунулся — он его мигом сбрил.

(«На страже родины»)

ФРИЦ ОТЛИЧИЛСЯ

Голос из немецкого окопа: — Фриц, что ты орешь? На три округи слышно.

Голос с русской стороны: — Русского автоматчика поймал.

1-й голос: — Так веди его сюда скорей!

2-й голос: — Не могу: он меня не отпускает!

(«Уничтожим врага»)

ТОЧНЫЙ ОТВЕТ

— Скажи, Абель: какая разница между кайзером и фюрером?

— Первого прогнали, а второго повесят, господин учитель.

(«Патриот родины»)

ИЗ ОБЕДЕННЫХ РАЗГОВОРОВ НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ

— Фюрер обещал, что к пасхе нам выдадут по кусочку ветчины.

— Откуда он знает, чем кормят на том свете?

(«Сын отечества»)

ЧУТКИЙ ВРАЧ

По распоряжению германских врачебных комиссий во временно оккупированных районах тяжело больные и раненые солдаты должны умерщвляться.

— Неужели, господин доктор, у меня в животе осколок?

— Да ты, голубчик, успокойся, не волнуйся. Пока еще ничего точно неизвестно... Вскрытие покажет!..

(«За честь родины»)

В НЕМЕЦКОМ ТЫЛУ

— Ох, и надоел же Гейбельс со своим постоянным враньем! Слушаешь его и думаешь: взять бы железный прут, раскалить на огне и вставить холодным концом Гейбельсу в глотку...

— Почему же холодным?

— А чтобы он его не выпятил: схватится за горячий конец — обожжется...

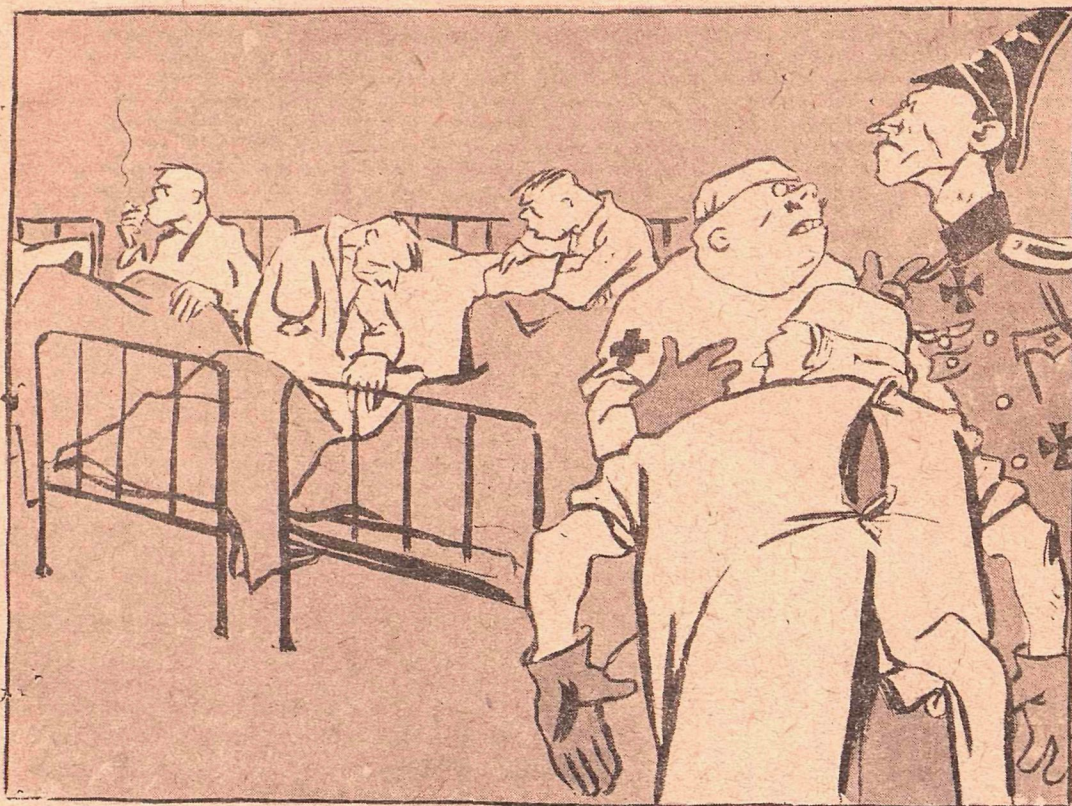
(«В бой за родину»)

ВСЕ ХОРОШО, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА...

Немецкий генерал: — Каковы дела на вашем участке?

Немецкий офицер: — Стараемся не покладая рук, господин генерал. Сегодня еще двести пятьдесят могил для наших убитых вырыли...

Рис. А. Баженова

— Как же это случилось, что среди выздоравливающих оказался в живых один безрукий?
— Простите, врачебная ошибка.

Записки солдата Эркко Отощайнена

НА ФРОНТЕ

15 июля. Сегодня к нам в дом пришел немецкий офицер и объявил, что меня отправляют на войну.

Я хотел поблагодарить за оказанную мне честь, но слезы благодарности душили горло. Радость моих родных тоже не поддавалась описанию.

18 августа. Получил письмо из дома. Папаша пишет, что, несмотря на то что в деревне поселилось очень много немцев, он еще жив.

20 октября. Мною почему-то не совсем довольны. Дело в том, что снарядом мне оторвало обе ноги.

Сегодня меня вызвал немецкий офицер и вежливо сказал:

— Ну, финская тварь, ты нам больше не нужен. Уезжай к себе на родину.

Выслушав офицера, я прослезился и, как подобает союзнику, ответил:

— Я не хочу ехать домой. Оставьте меня здесь. Имея таких, как я, Гитлер может не сомневаться в победе.

Офицер, дружески похлопав своим наганом по моему плечу, деликатно выпроводил меня из землянки.

Еду домой!

ОТОЩАЙНЕН КОНЧИЛ ВОЙНУ

29 октября. В поезде я встретил своего приятеля. Он рассказал, что офицеру нашей роты Сукинену оторвало снарядом голову.

— Бедный Сукинен! — сказал я. — Лучше потерять обе ноги, чем одну голову.

— Ну это как сказать, — рассмеялся мой приятель.

Оказывается, я зря жалел офицера: потеряв голову, Сукинен сразу же получил работу в министерстве иностранных дел.

10 ноября. Враги Финляндии уверяют, что все мужское население Хельсинки на войне, а в городе не осталось ни одного здорового и молодого финна. Чтобы доказать всю лживость такого утверждения, правительство приказало сфотографировать всех мужчин, живущих в Хельсинки.

Снимок вышел очень удачный и убедительный. Все семнадцать человек сидят на карточке точно живые. Как и следовало ожидать, меня посадили в центр.

12 ноября. Финны любят детей. Но далеко не все солдаты успели обзавестись семьей. Многие уехали на фронт и жалеют, что у них нет потомства.

Не горюйте, финские солдаты! Были бы в Финляндии немцы, а дети у финских солдат, безусловно, будут.

17 ноября. Немцы до того привыкают к финским женщинам, что, уезжая, берут себе на память всякие их безделушки, как то: шерстяные юбки, зимние кофты, платки и прочие вещи дамского обихода.

ОТОЩАЙНЕН ПРИВЕТСТВУЕТ ГОСПОДИНА РЮТИ

20 ноября. Утром послал приветственную телеграмму на имя господина Рюти.

Я написал: «Спасибо. Вы своего добились. Хельсинки стал Берлином. Хочется от радости прыгать до потолка. Мешает отсутствие ног. Живу, как в раю. Преданный вам Отощайнен».

21 ноября. С телеграммой произошло досадное недоразумение. Вместо слов «преданный вам» я по рассеянности написал «преданный вами».

ВСТРЕЧА С МАННЕРГЕЙМОМ

1 декабря. Вот уже два месяца, как я нахожусь в «общезитии». «Общезитий» подобного типа в нашей Финляндии много. Это большие каменные дома с капитальными стенами. Раньше их просто называли тюрьмами, но правительство нашло это слово несозвучным эпохе.

20 декабря. Сегодня наше «общезитие» посетил барон Маннергейм. Он обошел все камеры, т. е. комнаты, и очень интересовался, кто и за что сюда попал. Всем осужденным за грабежи и убийства Маннергейм торжественно объявил:

— Вы свободны. Завтра вас всех отправят на фронт.

Услышав эти слова, уголовники дружно заплакали. Воспользовавшись некоторым замешательством, я взобрался на скамейку и, обращаясь к барону, громко сказал:

— Вы видите, господин барон, как плачут эти закоренелые, черствые люди. Они плачут от счастья, что им наконец придется пролить кровь за наших друзей и союзников. От радостного волнения они не могут вам ответить, господин барон. Так и быть, я отвечу за них. Они хотели бы просить вас не откладывать отправку на завтра. Они слезно умоляют послать их на фронт сегодня же!

Моя речь, видимо, понравилась барону, и он приказал усиленному конвою немедленно увести уголовников в казарму.

Оставшись с бароном наедине, я сообщил ему свою фамилию и обратился с просьбой отправить и меня на передовые позиции. Маннергейм, увидев, что я без ног, недоуменно пожал плечами.

— Между прочим, — спросил он меня, — давно у вас не все дома?

— С 22 июня 1941 года, — доложил я. — До этого дня, господин барон, у меня были все, а потом началось: вначале убили брата и арестовали сестру, в октябре застрелили мамашу, а в декабре покончили с папашей.

— Хватит! — крикнул барон и строго приказал смотрителю: — Выбросьте этого безногого дурака. Вы же видите, что он сумасшедший.

АДРЕСНАЯ КНИГА ГОРОДА ХЕЛЬСИНКИ

15 января 1942 года. Вчера получил работу. Работа нетрудная: я должен стоять около бывшего хлебного магазина, слушать, о чем говорят прохожие, и записывать фамилии недовольных.

17 января. Счастье длилось недолго. Меня уволили. Причина увольнения — моя излишняя изобретательность. Вместо того чтобы стоять на морозе и записывать фамилии недовольных, я взял адресную книгу жителей Хельсинки и принес ее в полицейское управление.

— Тут все фамилии и адреса, — сказал я начальнику. — Вычеркните убитых на войне и умерших от голода — и вы будете иметь полный список недовольных.

Меня хотели арестовать, но я предъявил им справку о том, что отпущен из «общезития» как сумасшедший, и все дело ограничилось только увольнением.

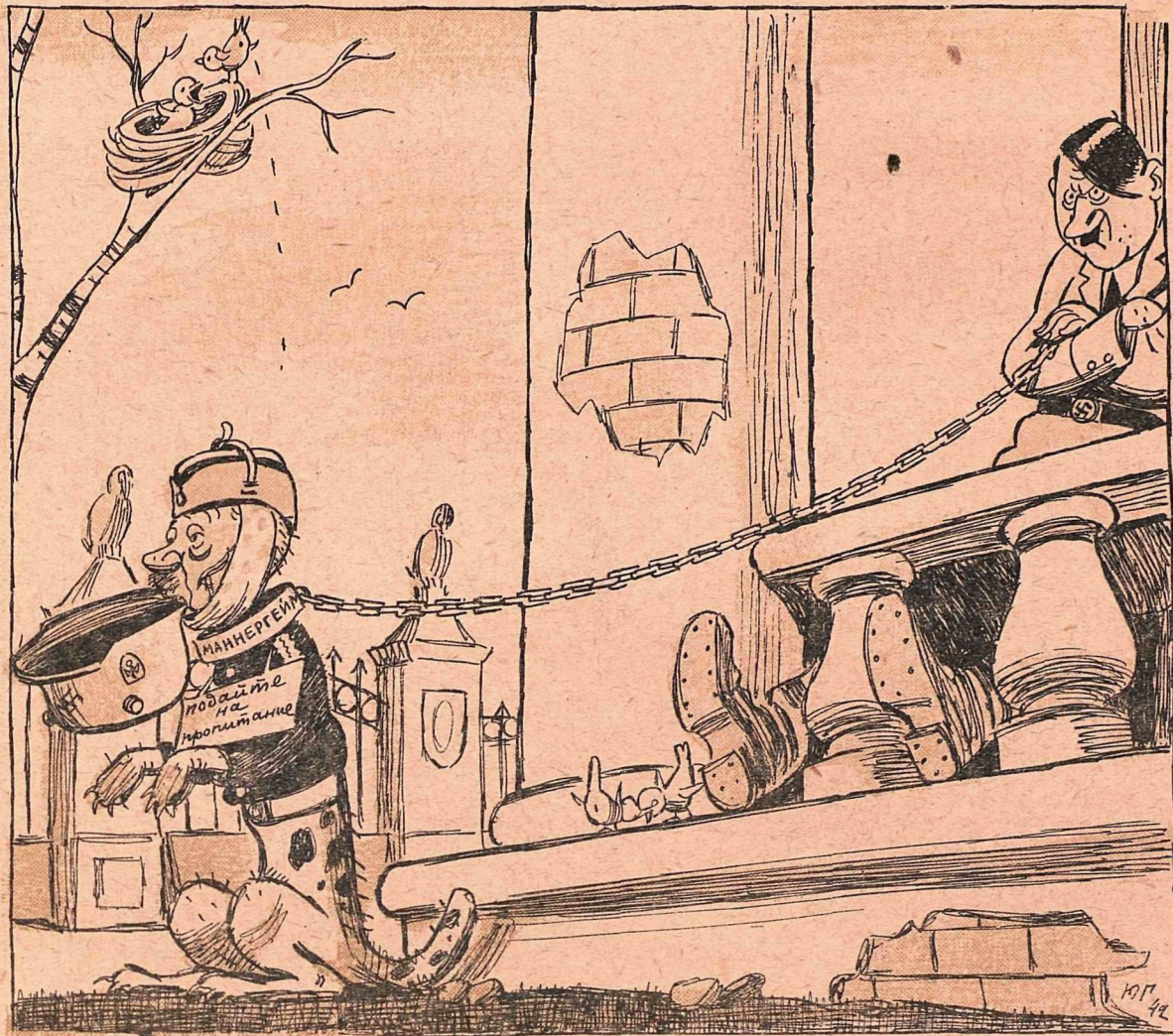
ТАННЕР ПОРАДОВАЛ

5 марта. Наднях господин Таннер порадовал финских крестьян. Он разослал по всем деревням специальную инструкцию о проведении посевной кампании.

К сожалению, далеко не все правильно поняли эту инструкцию. Некоторые, малосознательные финны говорят, что, для того чтобы обеспечить Финляндию хлебом и спасти ее от голода, кроме инструкции, как сеять, нужно еще, что сеять. Крестьяне требуют зерна, а зерна нет. Все, что было в Финляндии, господин Таннер по-братски уже давно поделит между нами и союзниками. Зерно он отдал немцам, а инструкцию — финским крестьянам.

Перевел с финского
Мих. ЛЕВИТИН

Действующая армия.

Тесное экономическое сотрудничество.

Всякое бывает ✓

В этой истории нет ни одной выдуманной строчки. Рассказал мне ее майор М. Константинов.

— На войне всякое бывает, дорогой товарищ,— начал майор.— Вот, к примеру, такой случай. Есть в нашей части боец Метелько. Очень смелый и ловкий парень!

Да вот нате-ка. Простая деревенская старушка обманула его. И еще как!

Дело было зимним вечером. Погода была невообразимая.

А Метелько как раз собрался на охоту. Напялил на себя какой-то не первой свежести крестьянский костюм и пошел в село Воробьевку— от передовой линии километров пятнадцать.

А в этой Воробьевке немцы. И, по слухам, там обосновался их штаб. Метелько должен был все это проверить.

Дорога была неважная. Неопишимо темно. Сумасшедший ветер бил в лицо. То и дело Метелько погружался по пояс в сугробы. Короче говоря,— мировая прогулка.

Этаким манером добрался он до окраины села. Лег, прислушался— тишина немая на улицах пустых, и не слышно лая псов сторожевых.

Метелько ползком добрался до крайней избы. Входит осторожно. Видит: при махонькой копилочке сидит древняя старушечка.

Метелько и говорит ей, деликатно улыбаясь:

— Здравствуйте, бабуся.

Бабуся недружелюбно покосилась на него и отвечает:

— Здравствуй, внучок.

И тут же добавляет:

— Откуда ты тут взялся такой?

Метелько, не дожидаясь особого приглашения, садится на скамейку, спокойно крутит костью ножку и говорит сладким, миндальным голосом:

— Как вас звать-величать, дорогая моему сердцу бабуся?

— Зовут меня Марьей Гавриловной. Но это тебя, парень, мало касается.

— Нет, Марья Гавриловна, касается и даже дюже. Потому что понравились вы мне с первого взгляда. Моя родная бабушка как раз на вас, Марья Гавриловна, похожа, как две капли воды.

— Ты мне зубов не заговаривай. Скажи прямо: что тебе нужно?

— Марья Гавриловна! Да вы не беспокойтесь. Я человек простой. Мне ничего не требуется. Иду я через ваше село. Дай, думаю, зайду погреться. Шел мимо часового— ходит, стережет. Холодно им, сукиным детям. А? Много их тут у вас в селе?

— Кого?

— Вояк этих самых.

— Не считала.

— А где у них тут штаб?

— Чего?

— Штаб.

— А я и слов таких не знаю. Темная я.

— Ну, к примеру, у какой избы машины все время стоят? Где тут телефон есть?

— Я этих делов не касаюсь. Я не военная. Вот внучка моя— тринадцатый год пошел, но она во все вникает. Сейчас она у соседей. Хочешь, кликну ее. Она тебе про все разъяснит.

— Ой, спасибо, Марья Гавриловна!

Хитрая, доложу я вам, старушка. Никакой внучки у нее и в помине не было. А, как потом выяснилось, проковыляла она к соседке и сказала:

— Устинья, беги в штаб, что у Зимина в избе. И скажи, что у меня сидит личность.

А сама возвращается к Метелько, во всю физиономию ласково улыбается и говорит:

— Ну, грейся, грейся, парень. Сейчас внучка прибежит.

Не проходит и пяти минут, как дверь быстро раскрывается и входят три вооруженных красноармейца.

Потом выяснилось. Это все проклятая выюга чатворила. Метелько, выходит, заблудился и попал не в Воробьевку, а в Березовку, где давно стояли наши.

— Да, на войне всякое бывает,— закончил свой рассказ майор.— Даже такой парень, как Метелько, попал впросак... Но, по сути дела, дорогой товарищ, мой рассказ вовсе не о бойце Метелько. А о прекрасной русской женщине— о старушке Марье Гавриловне. Вот в чем дело!

Г. РЫКЛИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал—1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 267

Подп. к печати 1 IV 1942 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 50865

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

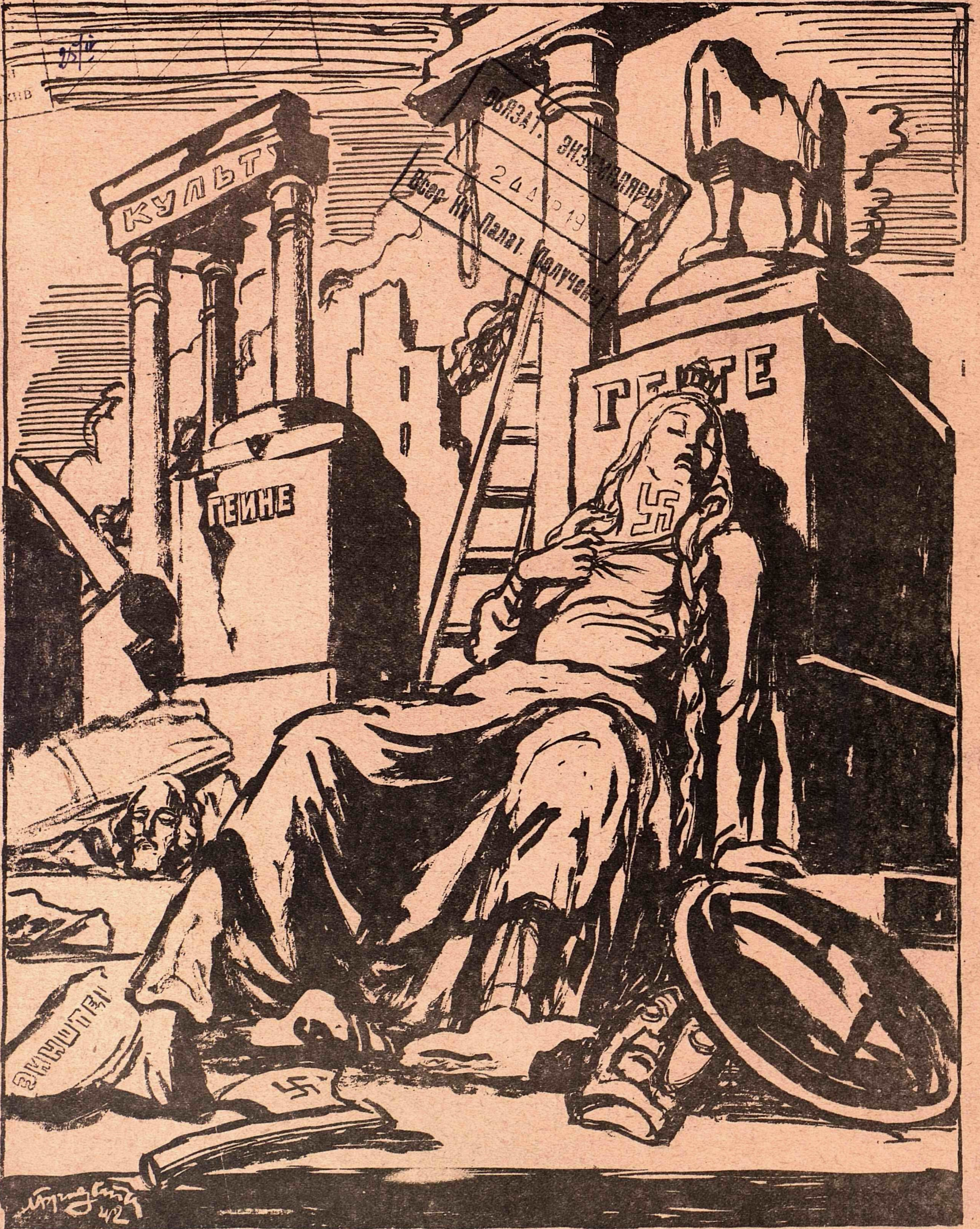
Заказ № 876.

Тираж 200 000 экз.

БОЛЬНАЯ ГЕРМАНИЯ

Рис. Л. Бродаты

Посуд
в р
Сид
в архив

Болезнь тяжелая, но излечимая. Надо в первую очередь удалить с шеи злокачественную опухоль.